

Ленинград
Фонт

Кирилл Лавров, актер
Сев. кинотеатр. - 1990. - 1 сентяб. - с. 9

Чем будем удивлять?

Я — артист. Об этом бы мне и поговорить. Какие роли, как сложится репертуар... Но судьба распорядилась иначе. Если считать по театральному календарю — от сентября до сентября, — уходящий год был для меня тяжелым и наступающий не будет легче.

Союз театральных деятелей страны, председателем правления которого я являюсь, вступил, если можно так сказать, в новый этап. Как и вся страна, он переживает изменение своих структур, очищается, сжимается, нащупывает новые формы связи с республиканскими союзами. Разрабатываем новый устав, нашу конституцию. С каждым республиканским союзом центр теперь заключает договора...

Театр сегодня мучительно ищет свое место в растревоженной зрительской душе. Рассказывали, что кто-то из знаменитых мхатовцев спрашивал своих молодых партнеров перед спектаклем: «Ну, чем сегодня будем удивлять?» Сегодня каждый театр задает себе этот вопрос. Кончилось время, когда как бы над всем театральным искусством довлело сверху спущенное: «советский театр должен», «советский театр обязан»... Теперь театр должен и обязан лишь тому зрителю, который вечером придет или не придет на спектакль. Да еще своей совестью. Главная боль моя, главная тревога — родной театр, Большой драматический. Год назад, так же вот, когда кончился один сезон и надо было думать о следующем, умер Георгий Александрович Товстоногов. Волею моих товарищей, прекрасных актеров, «товстоноговцев», я — художественный руководитель БДТ, театра, который под руководством одного из крупнейших мастеров нашего времени стал известен во всем мире, сделался ведущим театральным коллективом, достопримечательностью Ленинграда.

Сегодня Товстоногова нет. Как распорядиться его творческим наследием? Как осмыслить его? Перед театром, руководимым крупной личностью, всегда рано или поздно возникает эта проблема. Быть или не быть? И нет одинаковых решений. Конечно, можно поступить просто, как, например, сделал М. Новров, статью которого я с изумлением прочитал в седьмом номере журнала «Наш современник», а именно: сказать, что творчество Товстоногова вообще-то «не имеет отношения к искусству», назвать один из шедев-

ров режиссера, спектакль «Мещане», всего лишь «зрелищем», чем-то машинально-образным, усредняющим актерскую индивидуальность. (И это о спектакле, отмеченном образом Бессеменова, созданным Евгением Лебедевым, спектакле, триумфально прошедшем во многих странах мира, уже семнадцать лет не сходящем с нашей сцены). Какой-то геростратов прием — вот, например, и великий русский актер В. И. Качалов назван посредственностью... Беда, когда критик, поглощенный групповой, литературной или политической борьбой, не считается ни с чем — ни с действительностью, ни с общественным мнением, ни с историей...

Но бог с ним! Иные реальные тревоги у меня. Как, где взять режиссеров, которые не уронят нашей репутации, найдут общий творческий язык с нашими актерами? Как выстроить репертуар? Да, пона еще идут спектакли, поставленные им, нашим учителем, но время требует перемены и на сцене драматической. Так, кажется, у Пушкина!

И нам повезло, засветилась в конце прошлого сезона художественная звездочка! С нами стал работать один из замечательнейших советских мастеров режиссуры Темура Чхеидзе.

В театре должен быть праздник. Без этого театр, по-моему, вообще немислим. Таким праздником стала для нас постановка грузинским режиссером спектакля «Коварство и любовь» Шиллера. Фантазия Темура Чхеидзе, его мягкая, углубленная манера работы с актером, его уважение к актеру — все это создавало и создает ту творческую атмосферу, без которой художественные достижения в театре немислимы. Взаимное доверие, взаимная любовь, непринужденность, интеллигентность — то, что лежит в основе наших традиций, в основе существования всякого театрального коллектива, — вновь возникло во время работы над спектаклем. Мы показали его в конце прошлого сезона. Им мы откроем и наступающий. Первые зрительские отклики вдохновляют. Мы договорились с Чхеидзе о его ежегодной постановке у нас.

Будем приглашать талантливых, близких нам по духу режиссеров, будем искать и того, единственного, который станет нашим Главным. Ему я и передам художественную власть.

Таковы мои тревоги и такова моя радость сегодня.